

удачны: «Кто на свѣгахъ возрастилъ Тео-
критовы нѣжныя розы» и «На переводъ
Иліады».

Перечтите пьесы: «Домовому», «Недокон-
ченная картина», «Возрожденіе», «Умолкну
скоро я», «Земля и Море», «Алексѣеву»,
«Ч***ву», «Зачѣмъ безвременную скуку»,
«Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный», и еще
болѣе пьесы: «Простишь ли мнѣ ревнивыя
мечты», «Ненастный день потухъ», «Ты вя-
нешь и молчишь», «Къ морю»,—вглядитесь
и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ обо-
ротъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ
найдете чистую поэзію, безукоризненное ис-
кусство, полное художество, безъ малѣйшей
примѣси прозы, какъ старое крѣпкое вино
безъ малѣйшей примѣси воды. Въ нѣкоторыхъ
изъ нихъ вы можете придаться къ мысли, не
достаточно глубокой, къ взгляду на вещи,
слишкомъ юному или слишкомъ отзывающе-
муся эпохой; но со стороны поэзіи выраженія
и поэзіи созерцанія вамъ нечего будетъ осу-
дить. Сравните и эти пьесы съ произведеніями
предшествовавшихъ Пушкину школъ рус-
ской поэзіи: между ними не будетъ никакой
связи; вы увидите совершенный перерывъ,
если не возьмете въ соображеніе тѣхъ пьесъ
Пушкина, которыя мы означили именемъ пе-
реходныхъ и о которыхъ говорили подробно
въ предшествовавшей статьѣ. Это не зна-
читъ, чтобъ въ произведеніяхъ прежнихъ
школъ не было ничего примѣчательнаго, или
чтобъ они были вовсе лишены поэзіи: на-
противъ, въ нихъ много примѣчательнаго, и
они исполнены поэзіи, но есть безконечная
разница въ характерѣ ихъ поэзіи и харак-
терѣ поэзіи Пушкина. Произведенія пре-
жнихъ школъ въ отношеніи къ произведе-
ніямъ Пушкина—то же, что народная пѣсня,
исполненная души и чувства, народнымъ на-
пѣвомъ пропѣтая простолюдиномъ, въ отно-
шеніи къ лирической пѣснѣ поэта-худож-
ника, положенной на музыку великимъ ком-
позиторомъ и пропѣтой великимъ пѣвцомъ.
Сравнимъ для доказательства пьесу за-
мѣчательнѣйшаго изъ прежнихъ поэтовъ,
«Пѣсня», съ пьесой Пушкина «Несчастный
день потухъ»:

О, милый другъ, теперь съ тобою радость!
А я одинъ—и мой печалень путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья будь...
Но не отрывъ, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселье ихъ дѣли—ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабуди.
О, милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку;
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку,—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не уладятъ;
Но и вдали съ тобою душа моя согласна,
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель ангелъ будь,
Меня, мой другъ, не позабуди.

Соч. Бѣлинскаго. Т. III.

О, милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучший миръ; тамъ мы любить свободны;
Туда душа моя ужъ все перенесла;
Туда вселенное стремить меня желанье;
Тамъ свидимся опять: тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь—
Меня, мой другъ, не позабуди.

Чувство, составляющее пафосъ этого сти-
хотворенія, лишено простоты и естествен-
ности, а слѣдовательно, и истины; оно мо-
жетъ быть напущено на человѣка мечта-
тельностью и поддерживаемо долгое время
упрямствомъ фантазіи; но и напущенное
чувство, по странному противорѣчію чело-
вѣческой природы, такъ же можетъ быть
источникомъ блаженства и страданія, какъ
и чувство истинное. Подъ этимъ условіемъ
мы охотно допускаемъ, что приведенное нами
стихотвореніе, несмотря на его сентимен-
тальность и отсутствіе всякой страстности,
есть голосъ души, языкъ сердца, краснорѣ-
чіе чувства; но оно—не поэзія. Его форма
болѣе краснорѣчива, чѣмъ поэтична; въ его
выраженіи, болѣзненно грустномъ и расплы-
вающимся, есть что-то прозаическое, темное,
лишенное мягкости и нѣжности художествен-
ной отдѣлки. А между тѣмъ это одно изъ
лучшихъ произведеній старой школы русской
поэзіи и въ свое время производило фуроръ.
Теперь сравните его съ пьесой Пушкина, въ
которой выражена та же мысль разлуки съ
любимымъ предметомъ:

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рошею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ!
Далеко тамъ луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами.
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волна-
Тамъ, подъ завѣтными скалами, [мнѣ;
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣни въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... ничѣмъ устами она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣ-
лоснѣжныхъ

Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда ль, ты одна... ты плачешь... я спо-
коенъ.

Но если

Здѣсь не то: въ пафосѣ стихотворенія
столько жизни, страсти, истины!.. Луна,
восходящая надъ сосновой роцею, напоми-
наетъ поэту другую луну, которая въ это
томительное для его души время восходитъ
далеко, тамъ, гдѣ природа такъ роскошно
прекрасна,—и поэтъ предается невольно
мечтѣ о ней, которая въ эту пору одна
идетъ къ берегу моря и садится подъ его